

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2026.26.92.008

Социальная интуиция как механизм сохранения национального суверенитета через антагонизм инерции и адаптации

Бондаренко Александр Викторович

Кандидат философских наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: alexander-81@yandex.ru

Аннотация

Объект исследования - социальная интуиция как сублиминальный механизм обработки коллективного опыта и эмерджентное свойство социального целого (в рамках философии холизма). Предмет исследования - функционирование социальной интуиции в качестве механизма сохранения национального суверенитета через внутренний антагонизм инерции и адаптации. Цель настоящего исследования - философски обосновать роль социальной интуиции как механизма сохранения национального суверенитета, функционирующего в режиме антагонизма инерции и адаптации. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1. определить социальную инерцию и социальную адаптацию как два полюса работы социальной интуиции целого (общества); 2. выявить условия, при которых инерция перестаёт быть охранительной и превращается в фактор стагнации; 3. определить критерии, позволяющие социальной системе интуитивно отличать адаптацию, сохраняющую идентичность, от адаптации, ведущей к эрозии подлинной культуры и национальной идентичности; 4. на материале российского социума проиллюстрировать действие данного антагонизма в условиях внешнего нормативного давления. В результате исследования достоверно обосновано, что социальная интуиция функционирует как диалектический механизм, в котором инерция и адаптация взаимно предполагают и ограничивают друг друга. Выявлены продуктивный и деструктивный модусы (полюсы) социальной инерции, а также продуктивный и деструктивный модусы социальной адаптации, что позволило уточнить критерии селективной работы социальной интуиции. Введено понятие «интуитивного склероза» социальной системы как патологического состояния, возникающего при хронической перегрузке коллективной памяти травматическим опытом и ведущего к гипертрофированной инерционности, то есть отсутствию принятия нового. Показано, что национальный суверенитет в его глубинном измерении обеспечивается не победой одной из сторон антагонизма, а способностью социальной интуиции удерживать продуктивное напряжение между инерцией и адаптацией. На материале российского общества проиллюстрировано действие данного механизма в условиях массивного внешнего нормативного давления.

Для цитирования в научных исследованиях

Бондаренко А.В. Социальная интуиция как механизм сохранения национального суверенитета через антагонизм инерции и адаптации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 173-183. DOI: 10.34670/AR.2026.26.92.008

Ключевые слова

Социальная интуиция, национальный суверенитет, антагонизм, социальная инерция, социальная адаптация, социальная память, коллективное бессознательное, культурный код, идентичность, холистический подход.

Введение

В настоящей действительности, которая характеризуется глобальными вызовами - столкновением различных цивилизационных моделей и усилением давления на суверенные национальные пространства, вопрос об источниках устойчивости социальных систем приобретает фундаментальное философское значение. Традиционные объяснительные модели, акцентирующие роль формальных институтов, экономических структур или политических идеологий, зачастую оказываются недостаточными для понимания глубинной преемственности и резистентности социума к агрессивной глобализации национальных пространств. В фокусе данного исследования находится подсознательный, дорефлексивный пласт социального бытия, а именно - феномен социальной интуиции. Под социальной интуицией мы понимаем следующее: *«...это сублиминальный механизм обработки информации, включающий как когнитивные, так и эмоциональные компоненты коллективного человеческого опыта просоциального и ассоциального поведения и приводящий к непосредственному восприятию и знанию окружающей действительности без участия осознанных механизмов познания»* [Бондаренко, 2024, с.133]. Центральная гипотеза исследования заключается в том, что устойчивость социальной системы, особенно в эпоху роста геополитической напряжённости и внешнего нормативного давления, обеспечивается в значительной мере работой социальной интуиции, которая, опираясь на паттерны социальной памяти, выполняет функцию селективного фильтра и адаптационного механизма, гарантируя преемственность культурного кода и коллективной идентичности.

Функционирование социальной интуиции как механизма устойчивости групп заключает в себе фундаментальное внутреннее противоречие - опора на паттерны социальной памяти народа порождает эффект социальной инерции - сопротивляемость внешним воздействиям, обеспечивающую резистентность подлинной культуры к чуждым нормативным моделям, но в тоже время выживание любой сложной системы требует адаптивной гибкости, способности к селективному усвоению нового. Отсюда социальная интуиция оказывается полем антагонизма двух разнонаправленных сил - социальной инерции, грозящей перерасти в архаизацию и вынужденной адаптации, несущей риск утраты цивилизационной идентичности. Вопрос состоит в том: каким образом социальная интуиция способна удерживать динамический баланс между этими полюсами, не скатываясь ни в ригидную закрытость, ни в бесформенный конформизм? Что и составляет центральную теоретическую проблему настоящего исследования. Современное российское общество представляет собой релевантный случай для верификации данного антагонизма так как исторический опыт последних десятилетий продемонстрировал как мощную инерционную резистентность к навязываемым извне западным ценностям, так и способность к нелинейной адаптации, направляемой внутренним компасом социальной памяти и чуждой либеральной традиций. Именно этот опыт позволяет поставить вопрос: где проходит граница между суверенной самобытностью и интуитивным отторжением необходимых социальных изменений? Автор исходит из центральной научной гипотезы

исследования, что устойчивость социальной системы обеспечивается не победой одной из сторон антагонизма, а самой способностью социальной интуиции удерживать продуктивное напряжение между инерцией и адаптацией, не допуская ни коллапса национальной идентичности, ни её ригидности.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет холистический подход, предполагающий рассмотрение социальной интуиции как эмерджентного свойства целого, несводимого к сумме индивидуальных психологических актов. Данный подход реализуется через диалектический метод, позволивший эксплицировать внутренний антагонизм инерции и адаптации как движущее противоречие механизма социальной устойчивости. Для анализа онтологической структуры социальной памяти и её архетипических оснований применялся феноменологический метод в его юнгианской интерпретации, позволяющий выйти к дорефлексивным пластам коллективного опыта. Сравнительно-исторический метод использовался при сопоставлении различных периодов российской истории как эмпирической базы верификации теоретических положений.

Теоретическими материалами послужили собственные исследования автора [Бондаренко, 2024; Бондаренко, 2024; Бондаренко, 2025; Бондаренко, Байназаров, Фархтдинов, 2025] концепции коллективного бессознательного и архетипов К. Г. Юнга [Юнг, 2019], концепция социальной памяти М. Хальбвакса [Хальбвакс, 2007], учение об органической солидарности и коллективном сознании Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1996], а также положения социальной психологии масс Г. Лебона [Лебон, 2015], позволившие описать механизмы коллективной интуитивной реакции. Для критического анализа либерально-индивидуалистической модели, противостоящей социальной интуиции целого использовались работы Л. Вальраса [Вальрас, 2000], формализовавшего модель рационального экономического человека как автономного агента и В. Зомбарта [Зомбарт, 2023; Зомбарт, 2005], раскрывшего духовные истоки буржуазного этоса, враждебного традиционной общинности. Концепция общества потребления и симулякров Ж. Бодрийяра [Бодрийяр, 2015; Бодрийяр, 2019] использовалась для обоснования рисков деструктивной адаптации, при которой внешние влияния подменяют подлинную идентичность её симулятивными формами. Настоящее исследование также опиралось на современные отечественные разработки феномена социальной инерции в социально-экономических системах [Хайруллин, Макар, Ямалова, 2021] и на различия подлинной и массовой культуры [Хайруллин, Макар, Ямалова, 2024]. Методологически суждения и утверждения автора опирались также на фундаментальный труд И. Канта «Критика практического разума» [Кант, 2015].

Результаты исследования

Социальная интуиция предстаёт не как синтез индивидуальных психологических способностей, а как подлинно эмерджентное свойство социального целого - группы, сообщества, нации и этот феномен укоренен в тех пластах коллективной психики, которые классическая мысль обозначила как коллективное бессознательное, наполненное архетипическими структурами, и коллективное сознание, состоящее из разделяемых верований и представлений [Юнг, 2019]. Социальная интуиция действует как механизм, через который эти

глубинные, часто невербализуемые пласты коллективного опыта оказывают непосредственное влияние на текущие реакции, оценки и поведенческие выборы группы. Именно через призму этого интуитивного, мгновенного восприятия «своего» и «чужого» проявляется работа «*социальной памяти*» [Хальбвакс, 2007], но само понятие социальной памяти требует дифференциации от смежных категорий. Историческая память фокусируется на сохранении и интерпретации конкретных событий, травм и триумфов прошлого конкретного общества. Традиционные ценности представляют собой кристаллизовавшиеся в культуре нормативные ориентиры и поведенческие императивы общества. Социальная память, в нашем понимании, есть динамическая система, в которой исторический опыт органически соединяется с ценностными установками, образуя устойчивый смысловой и нормативный каркас общества – это именно, что надындивидуальная реальность, поддерживаемая и постоянно воспроизводимая в языке, ритуалах, повседневных практиках, художественных образах и, что особенно важно, в актах социальной интуиции. Когда социальная группа сталкивается с новой ситуацией, вызовом или предлагаемой моделью поведения, именно социальная интуиция, апеллируя к социальной памяти нации позволяет мгновенно, без развернутой рефлексии, оценить их как соответствующие или противоречащие «духу» сообщества, как «правильные» или «разрушительные». Социальная интуиция выступает активным, живым механизмом извлечения и применения уроков социальной памяти, обеспечивая адаптацию к изменяющимся условиям без утраты фундаментальной идентичности, обладая «*социальной инерцией*» [Бондаренко, Байназаров, Фархтдинов, 2025, с. 100], описанной в контексте социальных систем, что и объясняет сопротивление быстрым, насильственным изменениям культурного кода.

Эвристический анализ траектории развития современного российского общества в последние десятилетия предоставляет релевантный и показательный материал для иллюстрации и верификации «*социальной интуиции, как социального факта в действии*» [Хайруллин, Макара, Ямалова, 2021, с. 126] Период активных попыток трансформации социально-экономического и отчасти ценностного устройства по заимствованным, чуждым лекалам наглядно продемонстрировал феномен высокой инерционности и глубокой резистентности социального организма и подобную резистентность невозможно удовлетворительно объяснить исключительно политической конъюнктурой, экономическими санкциями или институциональными просчетами. Ее источник лежит глубже именно в работе социальной памяти, активируемой и направляемой социальной интуицией. Императивы радикального рыночного индивидуализма, атомизации общества и утилитарной рациональности, будучи импортированными в суверенное общество, вступили в системное противоречие с архетипическими паттернами и ценностными комплексами, укорененными в социальной памяти этого общества. Речь идет о таких глубинных основаниях, как идея соборности и примата общего блага над частным, ценность справедливости, понимаемой не как формальное равенство, а как правда и моральная оправданность, устойчивая связь с территорией и исторической судьбой, определенный аскетизм в отношении материального потребления. Все эти паттерны (традиционные ценности), сформированные многовековым историческим опытом, включая опыт коллективного преодоления катастроф и внешних угроз, продолжали жить в коллективном бессознательном. Социальная интуиция, питаемая этой памятью, способствовала мобилизации защитных механизмов на уровне всего социального организма, что проявилось не столько в идеологическом или политическом неприятии, сколько в повседневных, массовых практиках – в устойчивости неформальных сетей взаимопомощи и доверия, в переинтерпретации и наполнении иным смыслом навязываемых социальных

институтов, в интуитивном недоверии к англосаксонской идеологизированной риторике, разрушающей традиционные устои семьи и общины. Устойчивость системы проявилась не в статике, а в способности к сложной, нелинейной адаптации, направляемой внутренним компасом социальной памяти, то есть цивилизационный суверенитет и движение «своим путем», наблюдаемые сегодня, предстают, таким образом, не как спроектированный политический конструкт, а как закономерное следствие этой глубинной, дорефлексивной устойчивости. Это следствие работы социальной интуиции, которая, актуализируя традиционные основания российского общества, обеспечивает селекцию внешних влияний и синтез нового опыта в рамках непротиворечивого культурного целого.

Социальная интуиция, рассмотренная в холистической перспективе, предстает как ключевой неинституциональный механизм обеспечения устойчивости и преемственности социальных систем, а ее функционирование неразрывно связано с феноменом социальной памяти динамическим синтезом исторического опыта и традиционных ценностей, составляющим культурный код общества [Бондаренко, 2025]. Социальная интуиция действует как механизм актуализации этой памяти, обеспечивая мгновенную, дорефлексивную оценку социальных явлений и моделей на предмет их соответствия глубинной идентичности российского общества и на примере российского социума наглядно видно, как сопротивление чуждым нормативным моделям и способность к суверенной адаптации коренятся в этой подсознательной работе социальной памяти, проявляющейся в социальных интуитивных реакциях и практиках общества.

Обнаруженный антагонизм инерции и адаптации не является внешним противостоянием двух независимых сил, но представляет собой внутреннюю диалектику самой социальной интуиции, укоренённую в двойственной природе социальной памяти так как социальная память, как динамический синтез исторического опыта и традиционных ценностей, одновременно и консервативна, и пластична. Её консервативность питает социальную инерцию - способность целого сохранять свои фундаментальные структурные характеристики вопреки внешним воздействиям. Эта способность имеет не механическую, а органическую природу, поскольку в её основе лежат архетипические структуры коллективного бессознательного, сформированные многовековым опытом выживания сообщества в конкретных природно-климатических, геополитических и культурных обстоятельствах. Как показал К. Г. Юнг, архетипы выступают «формообразующими принципами» коллективной психики, задающими фундаментальные схемы восприятия и реагирования, которые сохраняют относительную неизменность на протяжении длительных исторических периодов [Юнг, 2019]. Выше мы говорили, что именно эта архетипическая укоренённость придаёт социальной инерции тот самый «инерционный вес», который был зафиксирован в исследованиях социальных систем как величина сопротивления изменениям, пропорциональная массе накопленного коллективного опыта и плотности внутrigрупповых связей [Хальбвакс, 2007] и чем насыщеннее и длительнее исторический путь народа, тем значительнее его инерционная масса и тем сложнее внешним силам изменить траекторию его цивилизационного движения. Но та же самая социальная память содержит в себе и противоположный импульс так как любая устойчивая социальная система является открытой и вынуждена постоянно обмениваться веществом, энергией и информацией с внешней средой. Абсолютная замкнутость равнозначна энтропийной стагнации и гибели поэтому социальная интуиция выработала в себе механизм избирательной проницаемости - способность распознавать среди внешних вызовов и заимствований те элементы, которые могут быть ассимилированы без разрушения смыслового ядра культуры, и даже способны укрепить его,

придав ему новые формы выражения. Эта адаптивная гибкость не тождественна конформизму или механическому подражанию, а представляет собой творческий акт переосмысления и переработки чужеродного материала в горниле собственной ценностной матрицы. В русской философской традиции подобная работа подлинной культуры описывалась через понятие «иной» как всемирной отзывчивости, способности к усвоению и преобразению иных культурных смыслов без утраты собственного духовного суверенитета [Лихачев, 2015]. То есть социальная интуиция функционирует как диалектический механизм, в котором инерция и адаптация не просто сосуществуют, но взаимно предполагают и ограничивают друг друга. Инерция без адаптации вырождается в ригидную архаизацию - слепое воспроизведение отживших форм, утративших связь с живым опытом и превратившихся в симулякр традиции. Адаптация без инерции оборачивается бесформенной мимикрией, размывающей всякую определённую национальную бытия и низводящей суверенитет до формально-юридической фикции при фактической утрате субъектности. Опасность каждой из крайностей хорошо осознаётся массовым сознанием, что подтверждается данными о росте запроса на «подлинность», «корни» и «идентичность» именно в эпохи интенсивной глобализации и стандартизации образа жизни. Интуитивное отторжение чужеродного в такие периоды может представлять себя не только как политическое или идеологическое сопротивление, но и как всплеск интереса к национальной истории, языку, религиозной традиции, народному и искусству - ко всем тем сферам, в которых социальная память обретает наглядно-чувственную форму. Этим и объясняется возврат музыки из 90-х Золотое Кольцо, Юра Шатунов и др. – это факторы подлинной культуры.

Продуктивное напряжение между полюсами антагонизма достигается благодаря тому, что социальная интуиция оперирует не жёстко фиксированными догматами, а семантическими «полями» допустимого варьирования, границы которых заданы архетипическим ядром культуры, иными словами, культурный код общества не предписывает однозначных решений на каждый вызов, но очерчивает диапазон вариантов, совместимых с сохранением идентичности. Выход за пределы этого диапазона мгновенно опознаётся интуицией как «чужое», «они», «плохое», вызывая реакцию отторжения, как на уровне индивида (в форме экзистенциального дискомфорта), так и на уровне коллективного целого (в форме массовых протестных настроений или пассивного саботажа реформ). И наоборот, новая идея предложенная внутри допустимого диапазона принятия интуитивно переживается как «своя», «органичная», «давно ожидаемая» и получает быструю общественную легитимацию масс.

Эта селективная логика объясняет, почему одни заимствования относительно легко приживаются в национальной почве, а другие, даже будучи навязанными силой институционального принуждения, отторгаются или мутируют до неузнаваемости. В российской истории можно найти многочисленные иллюстрации подтверждения данного тезиса, так, реформы Петра I несмотря на их внешне насильственный и западный характер, затронули преимущественно технологические и административные структуры, но не смогли искоренить глубинные архетипы общности, соборности и державности, которые впоследствии неоднократно восстанавливали своё влияние в иных исторических формах. Советский союз фактически воспроизвёл на новом идеологическом языке те же архетипические модели такие как коллективизм, жертвенность во имя общего дела, эсхатологическую устремлённость к «светлому будущему». Постсоветский период 1990-х годов стал особенно наглядной демонстрацией работы социальной интуиции как защитного механизма, когда массивный импорт либерально-индивидуалистических моделей, радикально

противоречивших «коллективной душе» народа, вызвал затяжной ценностный конфликт, разрешившийся в конечном счёте восстановлением государственного суверенитета и возвращением к традиционным смысловым координатам - на новом витке исторической спирали. Для подтверждения нашего тезиса легко можно привести социальный факт - Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Критически важным для понимания баланса между инерцией и адаптацией является вопрос о том, как именно социальная интуиция отличает здоровое охранение суверенитета от патологического изоляционизма. И здесь уместно ввести различие между двумя полюсами социальной инерции - продуктивным и деструктивным. Продуктивная инерция, питаемая живой социальной памятью, сохраняет не конкретные исторические формы, а их ценностно-смысловое ядро, допуская его пластическое переоформление в ответ на вызовы времени, она подобна иммунной системе организма, которая защищает его от чужеродных агентов, но при этом не препятствует обмену веществ. Деструктивная инерция, напротив, возникает тогда, когда социальная память подвергается «окаменению» (ригидности), когда конкретные, исторически обусловленные формы социального бытия начинают восприниматься как священные и неприкосновенные сами по себе, вне зависимости от их функциональной эффективности. Такая инерция питается не живым опытом, а его идеологизированными интерпретациями, и ведёт к архаизации, росту ксенофобии и, в конечном счёте, к историческому поражению.

Продуктивная адаптация есть творческое усвоение, при котором заимствуемый элемент переосмысливается и вписывается в смысловое пространство подлинной культуры, обогащая её и не разрушая её структурной целостности, которая осуществляется при сохранении позиции субъекта, который сам определяет, что, в каком объёме и в какой форме может быть взято извне. Деструктивная адаптация, напротив, есть пассивное принятие чужих правил игры, при котором субъект перестаёт быть таковым и превращается в объект внешнего управления. Она сопровождается утратой культурного суверенитета и постепенной эрозией коллективной идентичности. Социальная интуиция, таким образом, призвана проводить границу не просто между «своим» и «чужим», но и между продуктивными и деструктивными модусами как инерции, так и адаптации - эта двойная селективность и обеспечивает подлинную устойчивость системы - не как неподвижность, а как способность к развитию при сохранении верности своей сущности.

Отдельного рассмотрения заслуживает феномен, который можно обозначить как «интуитивный склероз» социальной системы, который возникает в ситуациях, когда коллективная память, перегруженная травматическим опытом (войны, катастрофы, предательства элит) начинает выдавать патологические реакции на любые внешние сигналы, интерпретируя их как угрозу даже тогда, когда они таковыми не являются. В таких состояниях социальная интуиция утрачивает способность к тонкому различению и фильтр «свой-чужой» работает с чрезмерной жёсткостью, блокируя не только вредоносные, но и потенциально полезные воздействия. Подобные состояния, как правило, носят временный характер и преодолеваются по мере накопления нового положительного опыта, восстанавливающего доверие к внешнему миру и к собственной способности выдерживать контакт с иным, но в условиях перманентного внешнего давления - информационного, экономического, военного - риск хронификации интуитивного склероза возрастает, что делает исследование механизмов его

профилактики задачей не только теоретической, но и практической в смысле социального познания общества.

Обсуждение

Социальная интуиция, понимаемая нами как поле антагонизма инерции и адаптации, раскрывает подлинную природу национального суверенитета, которая не может быть сведена ни к набору формальных политических институтов, ни к военной или экономической мощи. Суверенитет в своём глубинном измерении есть способность социального целого сохранять за собой право и способность самостоятельно определять собственную судьбу, опираясь на внутренний компас социальной памяти и реализуя это самоопределение в историческом действии. Именно социальная интуиция, как дорефлексивный, но при этом важный механизм обработки коллективного опыта, обеспечивает непрерывность этого самоопределения общества, удерживая общество на траектории, которая не является ни жёстко детерминированной прошлым, ни хаотически брошенной на произвол внешних влияний, выступая своеобразным «гироскопом» национального организма, позволяющим ему сохранять равновесие в турбулентной среде мировых процессов.

Заключение

Проведённое исследование позволяет нам увидеть в антагонизме инерции и адаптации не дефект, подлежащий устранению, а фундаментальное условие жизнеспособности любой сложной социальной системы. Попытки разрешить это противоречие в пользу одной из сторон будь то радикальный традиционализм, стремящийся заморозить историю или безоглядный прогрессизм, игнорирующий культурную преемственность неизбежно ведут к патологии общественного развития. Радикальный традиционализм отрывает форму от содержания и превращает культуру в музейный экспонат; радикальный прогрессизм разрушает несущие конструкции идентичности и оставляет общество беззащитным перед манипулятивными воздействиями. Только удержание продуктивного напряжения между этими полюсами, опирающееся на живую работу социальной интуиции, способно обеспечить ту самую «суверенную адаптацию», которая составляет суть исторического творчества здорового национального организма. Исследовательская задача философии, таким образом, смещается от констатации факта резистентности к изучению конкретных механизмов поддержания этого баланса в различных исторических и социальных контекстах, что открывает широкую перспективу для дальнейших междисциплинарных изысканий на стыке социальной философии, культурной антропологии и политической науки.

Библиография

1. Бондаренко, А. В. Социальная интуиция человека как социальный факт в действии / А. В. Бондаренко // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2024. – Т. 13, № 9-1. – С. 126-141. – EDN BSAWWC.
2. Бондаренко, А. В. Социальная интуиция и просоциальное поведение индивида / А. В. Бондаренко // Вопросы науки и образования: новые подходы и актуальные исследования : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 10 декабря 2024 года. – Чебоксары: ООО "Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс", 2024. – С. 311-314. – EDN EUYZXA.
3. Бондаренко, А. В. Социальная интуиция с позиции целого в рамках философии холизма / А. В. Бондаренко // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2025. – Т. 14, № 4-1. – С. 82-97. – EDN HDFAUF.

4. Бондаренко, А. В. Роль социальной интуиции в формировании корпоративных решений и государственного управления / А. В. Бондаренко, И. Н. Байназаров, Р. Т. Фархтдинов // *Дискуссия*. – 2025. – № 9(142). – С. 243-249. – EDN PAFGBJ.
5. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Карл Густав Юнг; [перевод А. Чечиной]. - Москва: АСТ, 2019. - 495 с.- ISBN 978-5-17-108753-1.
6. Хальбвакс, Морис Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс; [пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин]. - Москва: Новое изд-во, 2007. - 346 с. - ISBN 978-5-98379-088-9.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. - М.: Канон, 1996. - 432 с.- ISBN 5-88373-036-1
8. Лебон, Густав Психология народов и масс / Густав Лебон; [пер. с фр. А. Фридмана, Э. Пименовой]. - 3-е изд. - Москва: Академический проект, 2015. - 239 с.; 22 см. (Психологические технологии); ISBN 978-5-8291-1766-5
9. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000. – 448 с.- ISBN 5787113710276
10. Зомбарт, Вернер «Исследования по истории развития современного капитализма. Роскошь и капитализм. Война и капитализм» (пер. с нем. Д. В. Кузницына) - Б. м.: Владимир Даль, 2023 - 479 с.- ISBN 978-5-93615-302-0.
11. Зомбарт, Вернер Собрание сочинений. Т. 2: Торгаши и герои: Т. 2: раздумья патриота / пер с нем. Д.В. Куницын; Евреи и экономика / пер. с нем. А.П. Шурбелев. - 2005 (ППП Тип. Наука). - 652, [1] с. - ISBN 5-93615-060-7
12. Бодрийяр, Жан Симулякры и симуляции = *Simulacres et simulation* / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. - Москва: Постум, 2015. - 238, [1] с. - ISBN 978-5-91478-023-1
13. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства /Жан Бодрийяр; [пер. с франц. А. Качалова]. - М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. - 347 с. - (Серия «Фигуры Философии»). - ISBN 978-5-386-13301-6
14. Хайруллин, В. А. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В. А. Хайруллин, С. В. Макар, Э. Н. Ямалова // *Дискуссия*. – 2021. – № 5(108). – С. 88-104. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-5-108-88-104. – EDN ZNUDXK.
15. Хайруллин, В. А. Экономика и социология культуры современной России / В. А. Хайруллин, С. В. Макар, Э. Н. Ямалова // *Дискуссия*. – 2024. – № 11(132). – С. 6-26. – DOI 10.46320/2077-7639-2024-11-132-6-26. – EDN MCMUSJ.
16. Кант, Иммануил. Критика практического разума: [перевод с немецкого: 6+] / Иммануил Кант. - Москва: Эксмо, 2015. - 222, [1] с.- ISBN 978-5-699-78401-1
17. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. - 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. - СПб.: СПбГУП, 2015. - 540 с.- ISBN 978-5-7621-0821-8

Social Intuition as a Mechanism for Preserving National Sovereignty Through the Antagonism of Inertia and Adaptation

Aleksandr V. Bondarenko

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
450076, 32, Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: alexander-81@yandex.ru

Abstract

The object of the study is social intuition as a subliminal mechanism for processing collective experience and an emergent property of the social whole (within the framework of the philosophy of holism). The subject of the study is the functioning of social intuition as a mechanism for preserving national sovereignty through the internal antagonism of inertia and adaptation. The purpose of this study is to philosophically substantiate the role of social intuition as a mechanism for preserving national sovereignty, functioning in the mode of antagonism between inertia and adaptation. To achieve this goal, the following tasks are solved: 1. to define social inertia and social adaptation as two poles of the operation of social intuition of the whole (society); 2. to identify the

conditions under which inertia ceases to be protective and turns into a factor of stagnation; 3. to determine criteria that allow the social system to intuitively distinguish adaptation that preserves identity from adaptation that leads to the erosion of authentic culture and national identity; 4. to illustrate the operation of this antagonism in the context of external normative pressure using the example of Russian society. As a result of the study, it is reliably substantiated that social intuition functions as a dialectical mechanism in which inertia and adaptation mutually presuppose and limit each other. The productive and destructive modes (poles) of social inertia, as well as the productive and destructive modes of social adaptation, are identified, which has made it possible to clarify the criteria for the selective work of social intuition. The concept of "intuitive sclerosis" of a social system is introduced as a pathological condition that arises from chronic overload of collective memory with traumatic experience and leads to hypertrophied inertia, i.e., the absence of acceptance of the new. It is shown that national sovereignty in its deep dimension is ensured not by the victory of one side of the antagonism, but by the ability of social intuition to maintain productive tension between inertia and adaptation. The operation of this mechanism in the context of massive external normative pressure is illustrated using the example of Russian society.

For citation

Bondarenko A.V. (2026) Sotsial'naya intuitsiya kak mekhanizm sokhraneniya natsional'nogo suvereniteta cherez antagonizm inertzii i adaptatsii [Social Intuition as a Mechanism for Preserving National Sovereignty Through the Antagonism of Inertia and Adaptation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 173-183. DOI: 10.34670/AR.2026.26.92.008

Keywords

Social intuition, national sovereignty, antagonism, social inertia, social adaptation, social memory, collective unconscious, cultural code, identity, holistic approach.

References

1. Bondarenko, A.V. Human social intuition as a social fact in action / A.V. Bondarenko // Context and reflection: philosophy of the world and man. – 2024. – Vol. 13, No. 9-1. – pp. 126-141. – EDN BSAWWC.
2. Bondarenko, A.V. Social intuition and prosocial behavior of an individual / A.V. Bondarenko // Issues of science and education: new approaches and current research : Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, December 10, 2024. – Cheboksary: Interactive Plus Center for Scientific Cooperation, LLC, 2024. pp. 311-314. – EDN EUYZXA.
3. Bondarenko, A.V. Social intuition from the perspective of the whole within the framework of the philosophy of holism / A.V. Bondarenko // Context and reflection: philosophy of the world and man. – 2025. – Vol. 14, No. 4-1. – pp. 82-97. – EDN HDFAUUF.
4. Bondarenko, A.V. The role of social intuition in the formation of corporate decisions and public administration / A.V. Bondarenko, I. N. Baynazarov, R. T. Farkhtdinov // Discussion. – 2025. – № 9(142). – Pp. 243-249. – EDN PAFGBJ.
5. Jung K. G. Archetypes and the collective unconscious / Carl Gustav Jung; [translated by A. Chechina]. Moscow: AST, 2019. 495 p. ISBN 978-5-17-108753-1.
6. Halbwachs, Maurice The social framework of memory / Maurice Halbwachs; [translated from French. and introductory article by Sergey N. Zenkin]. Moscow: New Publishing House, 2007. 346 p. ISBN 978-5-98379-088-9.
7. Durkheim E. On the Division of Social labor / Translated from French by A.B. Hoffman, notes by V.V. Sapov. Moscow: Canon, 1996. 432 p. ISBN 5-88373-036-1
8. Lebon, Gustave Psychology of peoples and masses / Gustave Lebon; [translated from French by A. Friedman, E. Pimenova]. - 3rd ed. - Moscow: Academic Project, 2015. - 239 p.; 22 cm. - (Psychological technologies.); ISBN 978-5-8291-1766-5
9. Walras, L. Elements of pure political economy. Moscow: Izograf, 2000. 448 p. ISBN 5787113710276

10. Sombart, Werner "Studies on the history of the development of modern capitalism. Luxury and capitalism. War and Capitalism" (translated from German by D. V. Kuznitsyn) - B. M.: Vladimir Dahl, 2023 - 479 p.- ISBN 978-5-93615-302-0.
11. Sombart, Werner Collected Works. Vol. 2: Merchants and heroes: Vol. 2: reflections of a patriot / translated from German by D.V. Kunitsyn; Jews and economics / translated from German by A.P. Shurbelev, 2005 (SPP. Tip. Nauka). 652, [1] p. - ISBN 5-93615-060-7
12. Baudrillard, Jean Simulacra and simulations = Simulacres et simulation / Jean Baudrillard; [translated from French by A. Kachalov]. Moscow: Postum, 2015. 238, [1] p. ISBN 978-5-91478-023-1
13. Baudrillard J. A perfect crime. The Conspiracy of Art /Jean Baudrillard; [translated from French by A. Kachalov]. Moscow: RIPOL Classic Group of Companies / Pangloss, 2019. 347 p. (Series "Figures of Philosophy"). - ISBN 978-5-386-13301-6
14. Khairullin, V. A. Inertia in socio-economic systems: a theoretical and heuristic analysis of the phenomenon / V. A. Khairullin, S. V. Makar, E. N. Yamalova // Discussion. – 2021. – № 5(108). – Pp. 88-104. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-5-108-88-104. – EDN ZNUDXK.
15. Khairullin, V. A. Economics and sociology of culture of modern Russia / V. A. Khairullin, S. V. Makar, E. N. Yamalova // Discussion. – 2024. – № 11(132). Pp. 6-26. DOI 10.46320/2077-7639-2024-11-132-6-26. EDN MCMUSJ.
16. Kant, Immanuel. Criticism of practical reason: [translated from German: 6+] / Immanuel Kant. Moscow: Eksmo, 2015. 222, [1] p. ISBN 978-5-699-78401-1
17. Likhachev D. S. Selected works on Russian and world culture. - 2nd ed., revised and add. / comp. and scientific editorship by A. S. Zapesotsky. St. Petersburg: SPbGUP, 2015. 540 p. ISBN 978-5-7621-0821-8